

# ФОРМИРОВАНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА МОСКВЫ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В.

THE FORMING OF PEDAGOGICAL POTENTIAL IN MOSCOW DURING THE FIRST THIRD OF THE  
19TH CENTURY

---

## **Кудряшёв А.В.**

Доцент кафедры теории и истории педагогики Московского городского педагогического университета, старший научный сотрудник лаборатории истории педагогики и образования Института теории и истории педагогики РАО, кандидат педагогических наук

**E-mail: kud.al@mail.ru**

## **Kudryashev A.V.**

Associate professor at the Department of Theory and History of Pedagogics of the Moscow City Pedagogical University, senior research fellow at the Laboratory of History of Education and Pedagogics of the Institute of Theory and History of Pedagogics of the Russian Academy of Education, Candidate of science (Education).

**E-mail: kud.al@mail.ru**

**Аннотация.** В статье рассказывается о разных типах школ Москвы первой трети XIX века. Автор подробно описывает деятельность средних учебных заведений при Московском университете (Благородный пансион). В представленном материале также охарактеризовано развитие профессионального и женского образования.

**Annotation.** The article describes different kinds of schools in Moscow in the first third of the XIX century. The author presents detailed descriptions of secondary school activities at Moscow University (University noble boarding-school). The article also presents characteristics of trade and girls' education development.

**Ключевые слова:** Московский университет, гимназия, коммерческое училище, Университетский благородный пансион, Московское училище ордена Святой Екатерины

**Keywords:** Moscow University, gymnasium, Business College, University noble boarding-school, Moscow Girls' College of Saint Ekaterina Order.

В начале XIX в. Россия перешла на новый этап становления культурно-образовательной среды и формирования педагогического потенциала российского образования. Это было время общественного оживления и распространения либеральных настроений, характерных для начала царствования Александра I. «Дух времени» оказал довольно сильное влияние и на сферу просвещения. Распространялась грамотность. Возрастало число образованных людей. Повышался уровень преподавания. Появлялись новые типы учебных заведений. Вместе с тем продолжала функционировать закрытая сословная школа, и сама идея целесообразности существования подобного учебного заведения не подвергалась сомнению со стороны общественности.

В 1803 г. были изданы «Предварительные правила народного просвещения». В соответствии с этим документом предполагалось создать стройную систему общеобразовательных учебных заведений, состоявшую из приходских и уездных училищ, гимназий, университетов. Империя разделялась на учебные округа, во главе каждого из которых должен был стоять университет. Московский учебный округ включал десять губерний. Первым его попечителем стал Михаил Никитич Муравьев, человек незаурядный, сыгравший значительную роль в судьбе отечественной культуры. Воспитанник Московского университета, поэт (один из зачинателей сентиментализма в России), горячий ревнитель просвещения, он всячески стремился содействовать распространению знаний.

Наставник императорских сыновей цесаревича Александра и великого князя Константина Павловича, Муравьев после воцарения Александра I получил звание сенатора и пост товарища министра народного просвещения. Вместе с тем он был назначен попечителем Московского учебного округа. Как второе лицо в министерстве Муравьев принимал активное участие в деле реформирования общеобразовательной школы.

В 1804 г. российские университеты получили новый устав – самый либеральный в их истории [6, с. 62–64]. Как уже было сказано, была создана достаточно стройная система образования, включавшая приходские и уездные училища, гимназии, университеты. Университетам поручалось руководство учебными округами.

Вводилась строгая система централизованного управления. Университет выступал контролирующей и руководящей инстанцией. Учреждался Училищный комитет в составе 6 ординарных профессоров под председательством ректора.

Университет был учебно-методическим центром и руководил всей учебной работой. Комитет имел право отстранять от должности преподавателей училищ; представлял в Совет университета свое мнение об учителях уездных и приходских училищ, а о преподавателях и директорах гимназий – попечителю округа. Если кто-то хотел занять место директора гимназии, то баллотировался в Совете университета.

В первой трети XIX в. влияние университета на общеобразовательную школу реализовывалось, прежде всего, через институт визитаторства: регулярно (не менее 2 раз в год) профессорами университета проводилось обследование всех учебных заведений округа. В числе визитаторов были такие известные ученые, как: А.Ф. Мерзляков, И.А. Двигубский, Л.А. Цветаев, Н.И. Надеждин, Н.А. Бекетов, М.Т. Каченовский, И.М. Снегирев и др. Особую важность представляли обследования визитаторами губерний, более дру-

гих пострадавших во время Отечественной войны 1812 г. В январе 1813 г. была создана Временная комиссия для приведения в порядок расстроенных неприятелем учебных заведений [14, с. 121-122].

С целью обеспечения надлежащего уровня университетской подготовки преподавателей для средней школы – и прежде всего гимназий – Предварительные правила народного просвещения 1803 г. обязывали всякий университет иметь свой учительский, или педагогический институт (§39). В этом отношении очень показательна статья 40, которая гласила, что окончившие педагогический институт «должны, по крайней мере, 6 лет быть учителями, чтобы перейти в другую службу» [Цит. по: 16, с. 179-180]. Первый Педагогический институт открылся при Московском университете, он развивал традиции Учительской семинарии, основанной при Московском университете еще в 1779 году.

Плодотворная деятельность М.Н. Муравьева продолжалась, к сожалению, недолго: в 1807 г. его не стало. Пост попечителя Московского учебного округа занял вельможа граф А.К. Разумовский. В 1809 г. император, посетив университет, был так очарован познаниями и светским лоском попечителя, что вскоре назначил его министром народного просвещения. Попечителем Московского учебного округа стал бывший куратор университета П.И. Голенищев-Кутузов [5, с. 136, 141].

В начале XIX в. система начального народного образования в Москве была развита относительно слабо. В каждой из полицейских частей Москвы (Тверской, Мясницкой, Арбатской и др.) обычно было только по одной приходской школе (по уставу 1804 г.). Таких городских «частных»<sup>1</sup> школ в Москве в 1812 г. было 17, в них обучалось 1654 ученика, которые содержались на средства приказа общественного призрения. Согласно отчету директора училищ Московской губернии П.М. Дружинина, представленному в ноябре 1812 г. попечителю Московского учебного округа, после отступления Наполеона в Москве осталось только 5 частных школ. Уцелевшие от огня начальные училища были в таком состоянии, что в них «ни жить, ни ученья продолжать было невозможно, ибо двери и окна в них были переломаны, стекла разбиты, печи испорчены [19, с. 20-21; 20, с. 36, 44-46].

«Приватные» домашние школы содержались большей частью иностранцами, преимущественно французами. К 1812 г. в Москве было 26 таких школ, и в них обучалось 758 учеников [20, с. 7]. Эти учебные заведения также, согласно докладу П.М. Дружинина, «в течение несчастного времени от нашествия неприятеля совершенно упали и по выходе в одной токмо школе, что при старой лютеранской церкви ученье некоторым образом восстановлено» [19, с. 21-22]. Частновладельческие школы не скоро оправились от такого упадка: даже в 1815 г. число их (14) было еще почти вдвое меньше, чем до наполеоновского нашествия; соответственно меньше было и число учеников (399 вместо 758) [20, с. 7].

Возобновление деятельности городских «частных» школ шло так же медленно. Согласно «Уставу учебных заведений» эти учебные заведения должны были содержать-

---

<sup>1</sup> От слова «часть» как административный район города.

ся «в городах от городских обществ», а не на средства казны. П.М. Дружинин во время личного доклада министру народного просвещения «О способе восстановить московские училища» ходатайствовал о пособии на восстановление городских училищ от государства. Министр А.К. Разумовский поддержал ходатайство, обратился в Комитет министров с представлением об отпуске из государственной казны 30 000 рублей. Эта заявка была удовлетворена, о чем министр и сообщил 12 июня 1813 г. попечителю Московского учебного округа.

П.М. Дружинин приступил к ремонту сохранившихся школ еще до получения требующихся сумм, заручившись только обещанием министра. Но, несмотря на все старания директора, своевременное ассигнование денег на ремонт и требование Училищного комитета возобновить обучение к сентябрю 1813 г., учебный процесс во всех 5 уцелевших частных школах был возобновлен лишь к концу января 1814 г.

Еще сложнее дело обстояло с восстановлением полностью сгоревших школьных зданий. От восстановления дотла сгоревших деревянных зданий было решено пока отказаться. Отделка же обгоревших каменных училищ продвигалась крайне медленно. К октябрю 1815 г. было восстановлено только 9 из 17 существовавших до войны школ. Все 9 школ были переполнены. Но, несмотря на это, в 1815 г. в них обучалось 962 ученика, что составило чуть больше половины от числа учащихся частных училищ до нашествия неприятеля [19, с. 32–36].

В Рогожской части и других районах города, преимущественно на окраинах, еще с XVII–XVIII вв. сохранились старообрядческие церковные школы. Главной целью в них было обучение текстам «Священного Писания». Мальчики обучались в этих школах чтению и письму на церковнославянском языке, Закону Божьему и счету. В таких школах получали элементарное образование сыновья не только старообрядческого духовенства, но и многочисленных в Москве купцов-старообрядцев. Подвергаясь репрессиям со стороны православного духовенства и полиции, эти школы занимали полулегальное положение, и количество их с трудом поддавалось учету. Среди старообрядцев процент грамотных был выше, чем среди остального населения: знание «Священного Писания» считалось в этой среде чрезвычайно важным с религиозной точки зрения [4, с. 460].

Развитие среднего образования в Москве в первой трети XIX в. теснейшим образом связано с Московским университетом. С момента возникновения университета при нем действовала так называемая *академическая гимназия* – одна из первых в России. Гимназия готовила своих учеников к поступлению в университет. В 1805 г. в ней занималось 912 человек. Хотя незадолго перед тем в Москве открылась губернская гимназия, попечитель учебного округа М.Н. Муравьев предлагал сохранить и академическую, преобразовав ее в педагогический лицей. Его поддержал министр просвещения П.В. Завадовский. В октябре 1806 г. министр подписал Постановление об академической гимназии. «Цель заведения предположена педагогическая: эта гимназия должна была делаться рассадником ученых чиновников округа для того, чтобы распространять учение в гимназиях» [17, с. 375]. Лучшие ученики губернских гимназий «с особенным призванием к ученому поприщу» могли поступать в академическую. Академическая гимназия, в свою очередь, ежегодно посылала в университет 15 своих выпускников [15, с. 379].

Академическая гимназия просуществовала с 1804 до 1812 г. благодаря личным усилиям ректора П.И. Страхова, бывшего в течение нескольких лет инспектором гимназии и признававшего ее значение в жизни университета.

Кроме гимназии при университете существовал *Благородный пансион для дворян*, куда принимались дети 9–14 лет. Это было закрытое учебное заведение. Среди учеников были и полупансионеры, жившие дома и платившие за обучение и обеденный стол.

Учебная программа пансиона была шире гимназической. Помимо основных предметов изучались правоведение, четыре иностранных языка, военные науки; учащиеся занимались танцами, фехтованием, музыкой. Преподавание в Благородном пансионе вели университетские профессора. До 1812 г. воспитанникам присваивалось звание студента в самом пансионе, без экзамена в университете.

Пансион свыше тридцати лет беспрерывно возглавлял профессор университета А.А. Прокопович-Антонский. В.И. Сафонович в своих воспоминаниях характеризовал его как человека, пользовавшегося всеобщим уважением, ловкого, сметливого, избегавшего конфликтов с родителями учащихся. Бывший воспитанник замечал, что, хотя в пансионе и у себя дома профессор был суров и его даже боялись, большинство выпускников всегда отзывались о нем с признательностью: «Редкий из них, проезжая Москву, не заходил в пансион повидаться с Антонским, который встречал приезжего с особенным радушием» [12, с. 117–118].

Благородный пансион выделялся среди учебных заведений как высоким уровнем преподавания, так и методами воспитания, чуждыми формалистике и свободными от излишних стеснений. Телесные наказания не допускались. Самым распространенным наказанием было оставление без чая, без одного или нескольких блюд [12, с. 120]. Условия жизни приближались к домашним. Наряду со знаниями, большое внимание уделялось нравственному воспитанию. Культивировались идеи самосовершенствования, человеколюбия, патриотизма. Поощрялись занятия литературой, особенно отечественной. Русскую словесность в пансионе преподавал А.Ф. Мерзляков [5, с. 148–149; 18, с. 79–81].

2 января 1804 г. на базе Главного народного училища была открыта *Московская губернская гимназия*. По рекомендации попечителя Московского учебного округа М.Н. Муравьева ее директором стал П.М. Дружинин. В том же году был принят «Устав учебных заведений, подведомых университетам», составленный в духе гуманистических просветительских идей. Гимназии должны были готовить учеников к университету или к самостоятельной жизни, а тех, кто пожелает, – готовили к учительству в уездных, приходских и других училищах. Гимназия состояла из четырех классов, которым предшествовали два класса уездного училища.

Курс уездного училища был гораздо обширнее, чем курс начального обучения «частных» школ. Кроме предметов начального образования (чтение, письмо, грамматика, арифметика, рисование, Священная история) в уездном училище преподавали геометрию, всемирную и российскую историю, географию и чтение на латинском, немецком и французском языках. Из старшего класса училища поступали непосредственно в первый класс губернской гимназии [19, с. 31].

Программа 1–3-го классов гимназии была рассчитана на 36 часов в неделю (24 урока по 1,5 часа). Гимназическая программа отличалась широтой охвата: энциклопедизм был в духе времени. На первый план выдвигалось знание языков – латинского, немецкого и французского. Преподавались география, история и мифология, статистика, математика (чистая и прикладная), опытная физика, естествознание, рисование. Учащимся предстояло усвоить начальные основы философии и «изящных наук», политической экономии, коммерции, технологии. При возможности рекомендовалось ввести в курс обучения танцы, музыку, гимнастику. С 1815 г. благодаря пожертвованию грека З.П. Зосимы в гимназии наряду с латынью начали преподавать и греческий язык [3, с. 33, 38].

«Дабы лучше соединить теорию с практикою», учителям предлагалось устраивать прогулки с учениками за город, знакомить их с природой, с мануфактурами и фабриками, устройством мельниц, гидравлических машин, посещать мастерские художников. Закон Божий в этом обширном перечне отсутствовал: предполагалось, что необходимые знания в этой области ученики уже имеют. Декларировалось, что в гимназию принимаются «всякого звания ученики», обладающие знаниями в объеме уездного училища. Специально оговаривалось, что учитель «не должен пренебрегать детей бедных родителей, но всегда иметь в памяти, что он приготовляет членов обществу» (§38).

От учителей требовалось, чтобы они относились к ученикам как родители, были с ними терпеливы и ласковы, заботились об их пользе, а главное – старались «более об образовании и изощрении рассудка их, нежели о наполнении и упражнении памяти» (§ 41). Разумеется, в реальных условиях России начала XIX в. подобные гуманно-просветительные принципы оставались большей частью на бумаге, но само провозглашение их имело положительное значение, воздействуя на общественное сознание.

Преподавателей было немного. По штатам 1804 г. полагалось четыре старших и четыре младших учителя. Директору гимназии присваивался высокий чин VII класса. Ему подчинялись уездные и приходские училища губернии, а также частновладельческие пансионаты. В первый год существования гимназии в ней насчитывалось 79 учеников, в 1812 г. был уже 101 ученик [3, с. 38–39].

С открытием губернской гимназии пансион, существовавший при Главном народном училище, был сохранен. Из 65 пансионеров 25 были приняты в гимназию, остальные – в уездное училище при ней [3, с. 41–42]. В 1814 г. при гимназии открылся трехгодичный учебно-воспитательный пансион для дворян. Окончившие его принимались без экзамена во 2-й класс гимназии. Плата здесь была значительно выше, чем в пансионе для разночинцев.

Воспоминания о московской губернской гимназии оставил учившийся в ней в 1814–1818 гг. М.П. Погодин. В классах было по 50 и более учеников. Места распределялись в зависимости от успехов: лучшие сидели на первой скамейке, худшие – сзади, время от времени перемещаясь. Практиковалась популярная в те годы система взаимного обучения. Вот как описывает автор уроки латинского языка: «Время употреблялось на прослушивание уроков у старших учеников, сидевших на первой лавке, самим учителем, у прочих старшими, из которых каждый имел в своем ведении особую лавку; потом

в исправлении ошибок в представлявшихся учителю на бумаге задачах; в легких переводах из хрестоматии» [10, с. 606].

Ученики, помогавшие другим, назывались аудиторами (авдиторами). Каждый учитель преподавал несколько предметов: один – латинский, немецкий и французский языки, другой – математику и физику и т.д. Считалось, что математикой способны заниматься лишь немногие, поэтому требования к ученикам были не очень высоки. Естественная история включала в себя минералогию, ботанику, зоологию и технологию.

Учебников не было. Рассказанное учителем выучивалось наизусть. Так же обстояло дело со статистикой Российской империи. География и история преподавались, по отзыву М.П. Погодина, «гнуснейшим образом». Сведения из истории были отрывочны. Хотя среди учителей гимназии имелись люди с учеными степенями, методика преподавания во многих случаях была несовершенной, а то и просто беспомощной. Так, будущий профессор университета С.М. Ивашковский преподавал русскую словесность, логику, грамматику, психологию, нравственность, риторику, пиитику, эстетику, естественное право и политическую экономию. Его преподавание мемуарист назвал «уродливым и нелепым». По мнению Погодина, русская словесность и позже преподавалась в гимназии дурно – по непонятным для учеников записям профессорских лекций, сделанным учителями в студенческие годы [10, с. 619–624].

Дворяне неохотно отдавали своих детей во все сословные гимназии, предпочитая учебные заведения, где учились преимущественно отпрыски «благородных родителей». Признанием в этой среде пользовались *частные пансионы*, руководимые, как правило, учителями гимназий или университетскими преподавателями, нередко из иностранцев. В 1811 г. в Москве насчитывалось 24 пансиона (включая университетский).

Основное внимание в этих учебных заведениях уделялось знанию западноевропейских языков (особенно французского) и гуманитарным предметам.

Менее состоятельные родители нанимали для подготовки своих сыновей в университет учителей из студентов или семинаристов. Более состоятельные приглашали нескольких учителей, нередко даже университетских преподавателей.

Своеобразным учебным заведением было *Армянское господ Лазаревых училище*, основанное в 1815 г. Первоначально оно предназначалось для обучения бедных армянских детей. Учились в нем и русские. Кроме обычных предметов гимназического курса изучались армянский, арабский, персидский, турецкий языки. В училище готовили переводчиков для государственной службы на Кавказе и в Закавказье. Некоторые выпускники продолжали свое образование в университете или устраивались учителями [5, с. 148].

Постепенно развивалось и *женское образование*. В 1803 г. было открыто Училище ордена Святой Екатерины для дочерей бедных дворян, а в 1804 г. на пожалованные Александром I 1400 рублей при нем открылось отделение для дочерей обер-офицеров, мещан и духовенства – Александровское училище. Эти учебно-воспитательные заведения, впоследствии ставшие институтами, находились под покровительством императрицы Марии Фёдоровны. В них принимались девочки в возрасте 10–11 лет. При каждом училище был платный пансион. Срок обучения составлял 6 лет, а для пансионеров – от 3 до 9 лет

(их принимали в возрасте 8–13 лет). Оба заведения были закрытыми, свидания с родственниками разрешались только 2 раза в неделю [7, с. 10–20; 9, с. 73].

Коммерческое образование в Москве в XIX в. существовало на средства торгово-промышленного сословия. В июле 1803 г. собрание уполномоченных представителей Московского купеческого общества приняло решение «учредить на общественном иждивении коммерческий класс, в коем содержать, из бедных и сирот купеческих и мещанских детей до 50 человек, для чего и нанять знающих обучать словесные науки, т.е. читать и писать по-русски, французски и немецки, а также арифметике и бухгалтерии, что и препоручить, как устройство одного заведения, равно и каковое количество нужно будет на сие суммы, в полное распоряжение г-на градского главы». В 1804 г. открылось *Московское коммерческое училище* с восьмилетним курсом обучения, готовившее специалистов для работы в купеческих конторах.

Московский градской голова М.П. Губин принял участие в разработке учебного плана, который был соотнесен с планом Петербургского коммерческого училища и утвержден министром народного просвещения П.В. Завадовским. Хотя Московское коммерческое общество признало необходимость «единообразия в правилах учения», в организационном и финансовом отношении училище должно было сохранить самостоятельность, «внутреннее его распоряжение и экономические обороты» должны были оставаться «под смотрением градского главы и эконома из купечества» [8, с. 115]. Училище не пользовалось правительственными субсидиями и целиком содержалось на средства купцов. Обучались в нем преимущественно выходцы из купеческого и мещанского сословий [2, с. 161–190].

В 1810 г. в Москве было учреждено еще одно учебное заведение среднего образования – *Московская практическая академия коммерческих наук*. Она была создана на основе коммерческого пансиона, учрежденного К. Арнольдом, в учебном отношении находилась в ведении университета, в то же время сохраняя свою финансовую независимость. Она субсидировалась преимущественно предпринимателями, в том числе ее попечителями – московскими купцами Куманиным, Просвирниным, Вепринцовым, Бородиным, Козловым, Алексеевым и Крутиковым [8, с. 115–116].

Учебные планы заведений коммерческого образования предусматривали изучение как общеобразовательных, так и специальных дисциплин. Будучи подведомственными Московскому университету, они давали среднее образование с подготовкой к дальнейшей коммерческой деятельности. Особое внимание здесь уделялось изучению языков (русского, немецкого и французского), а также математике и бухгалтерии. По сравнению с Московским коммерческим училищем, в плане Московской практической академии коммерческих наук больший акцент делался на практическую подготовку к коммерческой деятельности, что и отразилось в названии учебного заведения.

Под воздействием просветительских идей у прогрессивно настроенных представителей купеческого сословия постепенно формировался более широкий взгляд на вопросы профессионального образования. Осознание необходимости нового, светского образования, происходило и у отдельных представителей старообрядческой среды. Это тем более существенно, что среда эта являла собой наиболее грамотную, в традиционном смысле,



часть населения Москвы. Потребность развивать производство побуждала старообрядцев, среди которых было много купцов, получать необходимое образование. Так, из 50 учащихся Московской практической академии коммерческих наук в 1807 г. четверо были из семей старообрядцев. Семейство текстильных фабрикантов Прохоровых, также принадлежавших к старообрядцам, не было чуждо просветительских начинаний. В.И. Прохоров дал своим сыновьям новое образование. Т.В. Прохоров дома изучал русский и немецкий языки, историю и арифметику, во взрослом возрасте приглашал к себе преподавателей по различным предметам, изучал специальную литературу, посещал лекции профессоров университета [8, с. 122–123].

В материалах газеты «Московские ведомости» конца XVIII – начала XIX вв. отразились новые тенденции в домашнем обучении. В газете находим сообщения, свидетельствующие о потребности купцов в учителях российской грамматики, арифметики, истории, географии, французского и немецкого языков, игры на фортепиано; указания на то, какие учителя требовались: русские или иностранные. Были здесь и объявления о желании учителей обучать господских и купеческих детей.

Домашняя подготовка была достаточной для поступления в высшее учебное заведение. Л.А. Ребиченков, сын купца второй гильдии, зачисленного в 1796 г. в московское купечество из вольноотпущенных дворовых людей, обучался грамоте дома, затем поступил в частный пансион им. гр. М. Блемера, где с 1804 по 1810 г. изучал Закон Божий, российский, немецкий, французский языки, арифметику, географию и историю «с великою прилежностью и вел себя во все время добропорядочно». В 1810 г. Л.А. Ребиченков «вступил на собственное содержание» в академическую гимназию при Московском университете, а в 1811 г. был принят в число казенных учеников. Поступив в университет, Л.А. Ребиченков окончил его в звании кандидата этико-политических наук [8, с. 124].

Получение высшего образования предоставляло выходцам из купеческой среды поступать на государственную службу, в том числе преподавателями, если они не испытывали желания заниматься предпринимательской деятельностью.

Государство нуждалось в педагогах, и это получило отражение в указе 1812 г. «О дозволении определять в службу по учебной части состоящих в подушном окладе людей». При решении вопроса об «утверждении в службе по учебной части» купеческого сына Ф. Порохонцева отмечалось, что «по причине весьма скудного жалования, положенного в уездных училищах, особенно учителям рисования, крайне трудно сыскивать желающих для занятия сих мест». Указанное обстоятельство побудило Московский университет в 1812 г. взять на должность учителя рисования в Никитское частное училище уволенного из купеческого звания Ф. Порохонцева, обучавшегося у разных живописцев и «имеющего на звания свои аттестат из Московской губернской гимназии» [8, с. 125–126].

Таким образом, в первой трети XIX в. продолжалось формирование педагогического потенциала Москвы. Именно в этот период возникла система университетского образования. Развивались средние учебные заведения, имевшие сословный характер. Купечество крупных городов, в частности Москвы, стало проявлять подлинный интерес к професси-

ональному образованию. К сожалению, в городских условиях России начала XIX в. сравнительно медленно формировалась система начального образования. Эта задача по-настоящему начала реализовываться только во второй половине XIX в. благодаря развитию системы городского самоуправления.

**Список литературы:**

1. *Андреев, А. Ю.* 1812 год в истории Московского университета / А. Ю. Андреев. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 88 с.
2. *Виноградов, Н.* Сто лет жизни / Н. Виноградов. – М.: Поставщик Двора Его Величества Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1904. – 372 с.
3. *Гобза, И. О.* Столетие Московской 1-й гимназии. 1804–1904 гг. Краткий исторический очерк. Составлен директором гимназии И. Гобзой / И. О. Гобза. – М.: Синодальная типография, 1903. – 444 с.
4. История Москвы : в 6 т. Т. 3 : Период разложения крепостного строя. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. – 872 с.
5. История Москвы с древнейших времен до наших дней : в 3 т. Т. 2 : XIX век. – М.: Мосгорархив, Московские учебники и картолитография, 1997. – 472 с.
6. *Кунц, В. Е.* Михаил Никитич Муравьев / В. Е. Кунц // Вопросы истории. – 2012. – № 2. – С. 55–73.
7. Московское училище ордена святой Екатерины. Исторический очерк. Составлен по поручению совета преподавателей под общей редакцией В. А. Вагнера. – М.: Печатня Снегиревой, 1903. – 560 с.
8. *Нилова О. Е.* Отношение к образованию в среде московского купечества конца XVIII – первой четверти XIX в. / О. Е. Нилова // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.). – М.: Ин-т рос. истории РАН, 1994. – С. 115–133.
9. Образование в Москве: история и современность / авт. кол.: И. Ф. Юшин [и др.] ; ред. кол.: Л. П. Кезина. – М.: Мосгорархив, Моск. учебник, 2006. – 416 с.
10. *Погодин, М.* Школьные воспоминания / М. Погодин // Вестник Европы. – 1868. – № 8. – С. 605–630.
11. *Пономарева, В. В.* Университетский благородный пансион. 1779–1830 гг. / В. В. Пономарева, Л. Б. Хорошилова. – М.: Новый хронограф, 2006. – 432 с. – (Университет для России. Т. 3).
12. *Сафонович, В. И.* Воспоминания / В. И. Сафонович // Русский архив. – 1903. – № 1. – С. 112–140.
13. *Страхов, П. Н.* Краткая история академической гимназии, бывшей при Императорском Московском университете : репр. изд. / П. Н. Страхов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 64 с.
14. *Сысоева, Е. К.* Московский университет и общеобразовательная школа в XVIII – начале XX в. / Е. К. Сысоева // Вопросы истории. – 2008. – № 6. – С. 118–127.
15. *Тимковский, Е. Ф.* Воспоминания / Е. Ф. Тимковский // Киевская старина. – 1894. – № 3. – С. 359–381.

16. Университет для России. Т. 2. Московский университет в Александровскую эпоху / под ред. В. В. Пономаревой и Л. Б. Хорошиловой. – М.: Русское слово-РС, 2001. – 368 с.
17. *Шевырев, С. П.* История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею, 1755–1855 / С. П. Шевырев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. – 581 с.
18. *Шишкова, Э. Е.* Московский Университетский благородный пансион (1776–1831) / Э. Е. Шишкова // Вестник Московского университета. Серия 8 «История». – 1979. – № 6. – С. 70–83.
19. *Эйнгорн, В.* Московский университет, губернская гимназия и другие учебные заведения Москвы в 1812 году. Вып. 1 / В. Эйнгорн. – М.: Т-во скоропечатни Левинсон, 1912. – 36 с.
20. *Эйнгорн, В.* Московский университет, губернская гимназия и другие учебные заведения Москвы в 1812 году. Вып. 2 / В. Эйнгорн. – М.: Типография Воронова, 1912. – 99 с.

---

Интернет-журнал  
«Проблемы современного образования»  
2013, № 2